

Господин Сюй был человеком на редкость невозмутимым. Небрежно, вскользь рассказав о происхождении Шэн Лююя, он должен был перейти к делам академии, но, кажется, слишком утомился, пока стоял на ветру, и теперь зашелся надсадным кашлем, не утихавшим добрую четверть часа.

Сэ Чанмин про себя рассудил: не обладай этот почтенный Сюй силой стадии Прозреваемой Пустоты, при столь изможденном, глубоко болезненном виде ему едва ли оставалось протянуть больше пары лет.

К счастью для него, стадия Прозреваемой Пустоты граничила с Великим Переходом — оставался всего шаг, а значит, старейшине суждено было наслаждаться долголетием в тысячу лет.

Из домика за бамбуковой рощей вышла девочка. Бережно неся подбитый мехом плащ, она поспешила к наставнику, намереваясь укутать его потеплее.

Сэ Чанмин обладал превосходным слухом. Сквозь общий гомон до него донесся глубокий, сокрушенный вздох господина Сюя:

— Если я нацеплю это, то растеряю последнее благородство, подобающее наставнику.

Очевидно, немощному больному излишнее щегольство было не по статусу.

Господин Сюй отпил из пиалы, покорно позволил укутать себя в меховые одежды и продолжил рассказ об академии.

В академии преподавали десятки дисциплин — часть была обязательной для изучения, другие же оставались на выбор. В конце концов, если ученик с малых лет постигал искусство меча, глупо было требовать, чтобы за годы в академии он переучивался на кулачный бой.

Вкратце поведав о бытовых мелочах, господин Сюй перешел к раздаче новых нефритовых жетонов.

Эти пластины оказались вдвое крупнее прежних. Сэ Чанмин, перевернув свой жетон, заметил на обороте углубление размером с ноготь — гнездо для духовной энергии.

— Здоровье мое слабо, — подал голос наставник Сюй, — так что отдыхать я буду в Обители Трех Добродетелей. По пустякам меня не тревожьте. Возникнет дело — присылайте весточку через этот жетон.

С этими словами он показал прибор в действии. Направив каплю духовной силы в выемку, он заставил воздух над нефритом дрогнуть: соткалось зыбкое полупрозрачное зеркало. Стоило наставнику начертить на нем несколько знаков, как жетоны учеников дружно потеплели и

высветили ту же надпись.

— Пользоваться им могу не только я, — мягко улыбнулся господин Сюй. — Все, кто зачислен в мою группу, вольны обмениваться посланиями. Штука крайне удобная. Однако прежде чем отправить весть, убедитесь, что выбрали верного адресата, не напутайте.

Пока новоиспеченные соученики с увлечением вертели в руках диковинные вещицы, господин Сюй наконец опустил в кресло и мирно прикрыл глаза.

Кругом поднялся невообразимый шум. Одни шептались о таинственном Шэн Лююе, другие увлеченно испытывали диковинные жетоны. Окажись они под крышей, от этого гула обрушился бы потолок.

Перед притихшей было, но вновь загомонившей толпой сидели два слабых здоровьем человека. Старший, наставник Сюй, совсем обмяк и полулежал в кресле, тогда как юный Шэн Лююй замер с безупречной осанкой. Пересуды и косые взгляды бушевали вокруг, но он оставался недвижим, словно вырезанная из нефрита статуэтка.

— Не зря говорят, что молодой господин Шэн с малых лет соблюдает безмолвный дзен, — раздался чей-то благоговейный шепот сбоку. — Такой выдержке можно лишь позавидовать. Равных ему нет.

Сэ Чанмин мысленно возразил соученику:

«Вовсе нет. Шэн Лююй просто ничего не слышит».

Маленькая птица Чанмин сохраняла столь величавое спокойствие лишь потому, что давно привыкла к глухой изоляции.

Размышляя об этом, Сэ Чанмин невольно уловил укол смутной жалости. Мальчишке едва исполнилось шестнадцать лет, а он уже лишен и зрения, и слуха. Истинные причины его недуга держатся в строжайшем секрете, а сам он обречен хранить безмолвный дзен, не имея возможности вымолвить и слова.

Смертные страдали от старости, хворей и увядания, но и у тех, кто ступил на стезю бессмертия, хватало собственных безмолвных трагедий.

Впрочем, Сэ Чанмин не страдал избытком сострадания, чтобы сокрушаться о чужой судьбе. Он предпочел вернуться к своему делу и вновь принялся неторопливо лущить сосновые орехи.

Поскольку Шэн Лююй выказывал лишь ледяную отстраненность и казался недостижимым, словно гость из высших сфер, толпа вскоре охладела к его персоне. Разговоры утихли, и соученики принялись знакомиться друг с другом.

Пусть Академия Лулинь и провозглашала равенство, выходцы из великих кланов все же выгодно отличались от вольных практиков. Возвращенные в сытости и обучавшиеся у лучших мастеров, они закономерно превосходили сиротливых бродяг и составляли костяк новых учеников.

Формально в стенах Лулинь все они, невзирая на происхождение, были равны.

Однако природа человеческая неизменна: уязвить ближнего хотелось каждому.

Издревле в мире совершенствующихся бытовала негласная табель о рангах. Благородные мужи поголовно избирали путь меча: приемы их были изысканны, выпады — зрелищны, да и само имя мечника звучало гордо. Музыкальные инструменты вроде цитр шли ступенью ниже, следом тянулись сабли, а уж после них — все прочие виды оружия.

Обыватели, захлебываясь от восторга, пересказывали легенды: «Меч такого-то бессмертного столь сокрушителен, что одним ударом раскалывает скалы и иссушает моря!» Но едва ли кому пришло бы в голову хвастаться: «Молот этого мастера столь велик, что он расплющил врага вместе с горой».

Слишком грубо, не по-орденски.

Оттого даже тем, кто выбрал иную стезю, неизменно докучали расспросами: «А как у тебя с фехтованием?»

В общем, даже если душа не лежала к мечу, приходилось разучивать базовые связки, чтобы хоть как-то показать себя на общих смотрах.

Подобное неравенство мирило далеко не всех, и споры вспыхивали сами собой.

Сосед Сэ Чанмина, раскрасневшийся от яростной дискуссии, явно терпел поражение. В поисках союзника он обернулся к нему и выпалил:

— Брат Сэ, рассуди нас! Какое оружие ты сам предпочитаешь?

Сэ Чанмин, до того лишь изредка подававший голос ради вежливости, мягко улыбнулся:

— Мой выбор — сабля.

Собеседник облегченно выдохнул и с притворным сочувствием протянул:

— Подумать только, такой способный человек, как брат Сэ, и не взял в руки меч. Отчего же

сабля?

Пальцы Сэ Чанмина на миг замерли. Посмотрев на старые мозоли на ладони, он мысленно вернулся в прошлое, но вслух ответил просто:

— Она лежит в руке надежнее.

Парень нарочито вздохнул, покачал головой и тут же победно закричал своим оппонентам:

— Вот видите! Брат Сэ тоже не прикасается к мечам, а значит, ваш хваленый путь не так уж совершенен!

Сэ Чанмин в перепалку не вмешивался. Внешне он выглядел на шестнадцать, но прожил на свете без малого полвека. Его зрелая душа давно обрела покой и не искала глупых драк.

«Будь мне и правда шестнадцать, я бы просто выволок их на тренировочную площадку, не тратя слов на пустую болтовню».

Но сейчас подобные дразги вызывали у него лишь снисходительную улыбку.

Спорщики тем временем совсем разъярились. Взаимные оскорбления сменились толчками, и дело шло к рукоприкладству.

Сэ Чанмин как раз собирался ссыпать пригоршню очищенных орешков в полотняный мешочек, когда кто-то из дерущихся ощутимо задел его под локоть. Рука дрогнула, край мешочка накренился, и несколько ядрышек покатались по предплечью.

На левом запястье юноши покачивались две нитки деревянных четок — одна плотная, другая посвободнее. Одинаковые круглые бусины отливали глубокой, маслянистой чернотой, скрывая под слоем лака неразличимую вязь знаков. В нитях этих свободных четок и запутались упавшие орехи.

Он едва успел потянуться за упавшими ядрышками, как гомон вокруг разом оборвался. Спорщики притихли и поспешно подались назад, расступаясь перед кем-то.

Сэ Чанмин вскинул глаза. Причиной всеобщего затишья оказался Шэн Лююй, который поднялся со своего места и направился к выходу.

Еще мгновение назад юноши мысленно костили его за надменность: дескать, безмолвный дзен не мешает приличному человеку изъясняться на бумаге, а не смотреть на всех волком. Сразу видно — характер у этой птицы прескверный.

Но стоило Шэн Лююю двинуться вперед, как сидевшие прямо на каменных плитах практики послушно попятились, расчищая широкий проход.

Божественная птица наверняка владела тайными техниками, недоступными взору простых смертных. Лишенный слуха и зрения, юноша тем не менее ступал на удивление уверенно, ни разу не споткнувшись.

Он шел ровно посередине живого коридора, держась на равном расстоянии от сидевших по бокам людей, так что его шелковые одежды даже не колыхались вблизи чужих плеч.

Но вдруг Шэн Лююю замер. Он остановился точно напротив Сэ Чанмина.

Десятки любопытных глаз мгновенно уставились на эту пару.

Шэн Лююю слегка приподнял ногу — к его подошве прилипло упущенное Чанмином ядрышко. Орех соскользнул и с сухим щелчком покатился по камню.

Шэн Лююю склонил голову, словно оглядываясь, и наконец уставился прямо на Сэ Чанмина.

Сэ Чанмин поднял глаза. Лишь теперь, оказавшись совсем близко, он разглядел, что лицо гостя скрывал вовсе не обычный шелк, а драгоценная Облачная дымка.

Эту ткань пряли из всполохов зари, клубящихся возле ветвей священного древа фусан под полуденным солнцем. Лоскут подобной кисеи стоил целое состояние и даровал неиссякаемые силы тем, кто обладал огненным духовным корнем. Но мало кто знал о другой, куда более редкой особенности Облачной дымки: соприкасаясь с кожей, она наделяла владельца способностью безупречно различать тончайшие оттенки тепла и холода.

Все живое и неживое в поднебесном мире излучало собственное тепло, разнясь долями градусов.

«Вот почему маленькая птица Чанмин ориентируется столь уверенно, — разгадал тайну Сэ Чанмин. — Для него мир соткан из тепловых узоров. Своего рода зрение, доступное лишь избранным».

Какое-то время они стояли неподвижно. Шэн Лююю едва заметно сморщил нос — без сомнения, его тонкие брови под полупрозрачной тканью сейчас тоже сердито сошлись на переносице.

«Подумаешь, наступил на орех, — мысленно фыркнул Сэ Чанмин. — Чистое лакомство, не ком грязи. К чему столько драмы?»

Уступать дорогу Сэ Чанмин не спешил.

Потакать капризам изнеженных юнцов он не привык.

Шэн Лююй медленно повернул голову, переводя невидимый взгляд с Сэ Чанмина на каменные плиты.

Приподняв носок сапога, он брезгливо попытался отшвырнуть злосчастный орех подальше, но несколько раз подряд неуклюже промахнулся.

Должно быть, застрявший на сквозняке орех успел остыть, слившись по температуре с холодной каменной плитой, отчего Шэн Лююй попросту потерял его из виду.

Сэ Чанмин наконец отвел взгляд, прекращая это бессмысленное противостояние.

Но уступил он вовсе не из покорности.

«Слишком уж он жалок в своей немощи, — великодушно рассудил Сэ Чанмин, возвращаясь к сбору орехов. — Не стану спорить со слепым калекой».

Сэ Чанмин и не подозревал, что в мыслях у Шэн Лююя крутилось лишь одно:

«Какая гадость. Раз это нельзя съесть, пусть убирается с дороги».

<http://bllate.org/book/18249/1750582>